

ИСТОРИИ

«Война для многих стала катализатором проявления творческих сил» Интервью Линор Горалик о проекте Roar — вестнике оппозиционной русскоязычной культуры

12:36, 1 мая 2022 · Источник: Meduza

Фото: Натали (Лу) Лунц.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Двадцать второго апреля вышел первый номер онлайн-журнала Roar. В нем его автор, писательница Линор Горалик, и команда волонтеров — редакторов, переводчиков и корректоров — собрали литературные и художественные высказывания о войне в Украине: эссе, стихи, саунд- и арт-работы. В проекте уже поучаствовали 130 авторов, в том числе Мария Степанова, Лев Рубинштейн, Анна Старобинец, Борис Филановский и Александр Маноцков: они говорят о жизни после Бучи, неологизмах войны, страхе и стыде, а также о мертвых и «неживых». Линор Горалик рассказала «Медузе», зачем проект нужен лично ей и почему сейчас она ничего не пишет, а только слушает.

— Где вас застали новости о начале войны в Украине 24 февраля?

— Я была дома, в Израиле. Я поняла, что будет война, очень поздно — только [22 февраля,] когда признали ЛНР и ДНР. Но у меня было ощущение нарастающего ужаса. Я испытывала два чувства одновременно: «Этого не может быть» и «Этого не может не случиться».

[Когда началась война] у меня была немедленная потребность сделать хоть что-нибудь. Я искала

возможность перевести денег [на помощь украинцам], и она появилась довольно быстро (*Линор Горалик стала перечислять средства фонду «Вернись живым», — прим. «Медузы»*). Я хотела придумать, чем могу быть полезна. Я писала своим украинским друзьям и спрашивала, могу ли хоть чем-то помочь. Я просто не находила себе места.

— В одном из интервью вы говорили, что в начале марта вам стали все чаще попадаться антивоенные посты в фейсбуке. Вы решили собрать эти голоса на одной площадке, потому что так они имеют большую силу?

— Ровно так, как вы говорите. Я увидела, что люди, относящиеся к культуре, уже пишут блестящие антивоенные тексты и стихи, уже создают музыку, уже рисуют картины и делают арт-объекты. И как будто у них нет другой площадки, кроме фейсбука, — то есть нужно место, где все эти голоса зазвучат в унисон. Я решила, что попробую создать такое место.

— Вы верите, что, если эти голоса будут звучать громче, они кому-то помогут?

— Я твердо уверена, что у людей из Украины сейчас есть более важные дела, чем слушать наши крики. Я ни на секунду не жду, что эти публикации принесут им хоть какую-то пользу, к моему огромному сожалению. Я была бы счастлива сказать или сделать

хоть что-нибудь, что поможет им, но я пока не могу найти ничего лучше, чем переводить в Украину деньги.

Я не верю, что слова могут помочь пережить потерю хотя бы одной жизни. Но я знаю, что все-таки есть люди, которым слова помогают почувствовать себя немного легче. Вот в чем вся моя надежда.

Конечно, Roar нужен мне, в первую очередь. Он спасает меня от чувства беспомощности перед тем, что происходит. К тому же я подумала, что людям, которые хотят противостоять сервильной, сливающейся с пропагандой культуре, поддерживаемой государством, может как-то пригодиться площадка для высказывания. Ровно поэтому, например, я открыла наш журнал для самотека — совершенно любой автор может прислать нам работу. И это происходит.

ЕЩЕ О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ ПРОТИВОСТОЯТ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЕ

«Лучше подметать улицы, чем работать в театре с людьми, которые смалодушничали» Интервью театрального режиссера Никиты Бетехтина.

Он находится в России и борется с театрами, которые вывешивают символ Z на своем фасаде

Сначала я не знала, хорошее ли это решение.

Но я спросила в своем фейсбуке, есть ли художники, которые сейчас работают с антивоенной темой. И меня

потрясло, какой силы работы мне прислали в тот же день несколько авторов, они вошли в первый номер журнала. Это было восхитительное ощущение. Я почувствовала, что обратилась ровно к тем людям, которые, как я надеялась, должны были меня услышать. Сейчас я начинаю каждый день с того, что смотрю все работы, которые мне присылают.

— Сколько работ в день проходит через вас с тех пор, как вы объявили open call?

— Я получаю, наверное, 40 работ в день. Один из наших авторов, незнакомый мне человек, написал:

«Я не протестный, я просто хочу нормально жить. И получается так, что российская власть мне не дает. Опубликуйте, пожалуйста, мою работу». Каждый раз [для меня] это сильное переживание.

Бывает чувство, что этот проект больше меня и я с ним не справлюсь. Мы, к сожалению, не можем брать в номер все тексты. Но скажу, что работ, которые были бы нерелевантными или эмоционально слабыми, я не видела. У меня нет издательской жилки, поэтому мне бывает очень страшно. Мне вообще довольно страшно.

— Интересно, как люди осмысляют события в Украине, обращаясь к другим войнам. Фотограф Сергей Максимишин прислал в журнал подборку своих снимков из Чечни и написал, что

комментарии к ним не требуются. Потому что разговор о любой войне — всегда об одном?

— Тот, кто хотя бы один раз столкнулся с войной, видит, что у нее всегда одно и то же лицо — лицо ужаса и смерти. Во втором номере должно выйти эссе свидетеля чеченской войны, чье имя я не хотела бы сейчас разглашать. Таких материалов будет не очень много, но они бесценны.

Чечня. Грозный. Февраль 2000

Сергей Максимишин

Чечня. Окраина Грозного. Танк прямой наводкой по дому, в котором якобы укрылся снайпер. Январь 2000

Сергей Максимишин

— Номера журнала будут отличаться тематически?

— Мы выходим раз в два месяца — чаще просто не потянем. Следующий номер выйдет 24 июня, и его тема — «Сопротивление насилию». Мы, естественно, в первую очередь продолжаем говорить о войне России и Украины, но хотим дать слово авторам, в чьих работах речь пойдет о сопротивлении насилию внутри России и личном сопротивлении насилию.

— Среди известных авторов, которым вы предлагали написать эссе, много тех, кто сейчас не находит в себе силы формулировать мысли?

— Конечно, такие были. Они отвечали: «У меня нет слов, я не в состоянии работать». Я бы хотела попросить их написать что-то во второй номер: вдруг за два месяца что-то изменилось — и их голоса все-таки прозвучат.

— А вы сами находите слова? Пишете?

— Нет. Я могу слушать чужие голоса и собирать их, но писать я сейчас не могу. Я начала делать еще один проект — «Исход-22», это заметки об эмиграции, о людях, покинувших Россию, которые я публикую на своем сайте. И там я тоже только записываю чужие слова. Не могу написать ничего от себя.

— Как вы себя чувствуете в роли слушателя?

В рамках «Исхода-22» вы несколько недель лично говорили с эмигрантами в Тбилиси, Ереване и Стамбуле.

— Я никогда еще не плакала столько, сколько за те три недели — кроме нескольких моментов в жизни, когда я переживала сильные личные трагедии. Люди, с которыми я говорила, много плакали — и я вместе с ними. А ведь мне было легче, чем им, во много-много раз. До сих пор не верю, что столько людей оказали мне доверие, поговорив о такой болезненной теме [эмиграции из-за войны]. С начала мая я приступлю к работе над израильской частью проекта.

Я разговариваю с людьми и прошу разрешения записать отрывки из нашей беседы, анонимно, а потом выкладываю. Но я не пытаюсь создать из этих разговоров какой-то цельный текст, развернутое исследование. Так же и с Roar — я не стремлюсь делать никакого анализа, я ограничусь синтезом.

— Вы сказали, что Roar нужен в первую очередь вам. Как он уже помог?

— Журнал уже два месяца дает мне почувствовать, что я не бессмысленно существую во всем этом ужасе — в ужасе от того, что происходит в Украине, и от того, что мы наблюдаем сейчас в России и еще будем наблюдать. Я что-то делаю, а не просто сижу и смотрю в монитор, умирая от кошмара. Я умею работать только с буквами и картинками — вот я и работаю с буквами и картинками.

Виктор Меламед

Дата April 20, 2022

Автор Виктор Меламед

На главную: <https://roar-review.com/>

Я начал рисовать погибших на второй день войны. Рисую по одному портрету в день, чтобы не включился конвейер. Иду по соцсетям слова «загинув» и «загинула», потом иду дальше по имени. Редко когда удаётся найти больше двух фото, один портрет делал по снимку мёртвого тела, поэтому многие наверняка не похожи, но я стараюсь добиться какой-то ясности, показать, что это за лицо. Понять, что это был за человек, я не рассчитываю.

Анатолий Казанцев, детский врач, Мариуполь

Иллюстрации Виктора Меламеда в журнале Roar

— В первом номере вы выпустили работы 130 авторов. Расскажите о членах редакции Roar.

— Мы все волонтеры, включая меня. У нас нет ни копейки денег. Я обратилась к трем своим близким людям — Марии Вуль, которая стала курировать команду редакторов, Мариам Тавризян, которая взяла на себя львиную долю работы с версткой, и Настику Грызуновой, блестящему переводчику, которая взяла на себя руководство всей англоязычной версией журнала. К нам в комментарии [в фейсбуке] стали приходить люди, которые хотели помогать, работать редакторами, корректорами и переводчиками,

мы с огромной благодарностью привлекали их, а к кому-то обращались сами. В итоге нас примерно 50 человек.

Мы готовим еще французскую версию журнала, а два дня назад к нам обратилась целая команда, которая планирует делать итальянскую версию. Я все еще пытаюсь осознать, что такое количество людей согласились ввязаться в проект — многие с риском для себя.

— Сейчас блокируют медиа, возбуждают дела против журналистов, и уже в первый день работы на сайт Roar велась DDoS-атака. Чувствуете ли вы ответственность за то, что предложили открыто выразить свою позицию на страницах журнала людям, которые, возможно, так и не решились бы на это? Мы не знаем, какими могут быть последствия.

— Я израильтянка, у меня нет российского гражданства, и мне безопаснее всех. Но моя команда и авторы — те, кто находится в России, — идут на очень большие риски. Практически каждому автору, который не уехал из страны, я писала одни и те же слова: «Я за всех боюсь, давайте публиковаться анонимно». Очень немногие согласились — большинство подписались своими именами. Мне очень страшно за них, эта мысль меня преследует.

Заблокируют ли нас? Я не знаю, заметят ли нас. У многих наших авторов, например [поэта] Льва Рубинштейна, [журналистки и писательницы] Анны Старобинец и [поэта] Алексея Цветкова, аудитория в фейсбуке гораздо больше, чем у Roar, и то, что они доверили свои тексты нам, — это жест большой доброты и знак солидарности с другими авторами. Для менее известных авторов эта платформа, быть может, ценна как способ высказаться на достаточно широкую аудиторию. Не знаю, мне трудно об этом судить. Кажется, вопросы аудитории тут для всех вторичны...

— То есть вы замечаете, как трагедия сейчас показывает нам новых авторов — пока неизвестных, но очень сильных?

— Многие работы, которые я получаю сейчас, сопровождают письма, в которых авторы говорят: «Я впервые написал стихотворение» или «Я впервые нарисовал работу, потому что меня переполняют эмоции. Я никогда не думал, что буду рисовать». И я уже знаю, что часть таких работ точно войдет в журнал. Началась война — и оказалось, что человек очень талантлив. Может быть, он больше никогда не испытает эмоций такой силы и никогда больше ничего не напишет. Война для многих стала катализатором проявления творческих сил. И мне кажется, что это вполне нормальная ситуация.

Например, мы знаем много случаев, когда люди во время войны или других крупных катаклизмов начинали вести дневники, и они оказывались не только важными свидетельствами времени, но еще и блестящими текстами — а больше эти люди никогда ничего не писали. Прямо сейчас мы наблюдаем это снова.

ИЛЛЮСТРАТОРЫ ПРОТИВ ВОЙНЫ

Иллюстраторы со всего мира протестуют против войны в Украине Их работы рассказывают о вторжении не хуже, чем фотографии и репортажи

Беседовала **Анна Рыжкова**
